

Рожалин Н. М. Нечто о споре по поводу "Онегина": (Письмо редактору "Вестника Европы") // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 282-286.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-282-.htm>

Н. М. РОЖАЛИН

Нечто о споре по поводу "Онегина"

(Письмо редактору "Вестника Европы")

Утешно, без сомнения, видеть, что многие из наших соотечественников принимают на себя важный труд распространять между нами полезные сведения, сеять основательные понятия, содействовать очищению вкуса. Я разумею здесь журналы, милостивый государь: имея способ быть разнообразным, давать статьям своим прелесть новости, они легко могут подвигать нас к цели просвещения. Журналы, конечно, важны, и если каждый находит готовых читателей, то это верный признак рвения, с каким русские стремятся сблизиться с иностранцами на поприще образованности. Но если есть еще люди, которые тоном самоуверенности говорят решительно о предметах или вовсе необдуманных, или вовсе им неизвестных, то, мне кажется, они дерзко поступают, предполагая публику еще невежественнее себя самих, и желательно было бы доказать сим господам, что если они находят готовое внимание, то всегда должны ожидать и готовых обличителей¹.

Я очень согласен с теми, которые думают, *что лучше совсем не писать, нежели писать дурно*², и публике позволено хотеть во всяком деле мастера. Журналисты должны помнить, *каких журналов нам надобно; журналисту нужно большое терпение*, как справедливо заметил г. П-ой при самом начале издания своего "Телеграфа"³; а я прибавлю, что не бесполезно было бы для него большое терпение прежде мысли об издании журнала.

Сцепление идей слишком далеко завело меня, милостивый государь, заставив говорить вообще о журналах: я был занят одним - "Телеграфом" -и одним спором по поводу "Онегина". Но диковинки, собранные с такой рачительностью в 15 нумере "Телеграфа" - отечественные и неслыханные заморские, рассказываемые и другими и самим издателем - заставили меня невольно подумать о настоящем периоде нашего просвещения⁴. Я сделаю еще только следующее замечание: что если бы иностранцы приняли благоразумное намерение судить о многом и о нас, слепо веря нашему "Телеграфу", - чего, как по всему видно, ожидает издатель от своих соотечественников? Они возымели бы о сих последних точно такое же мнение, какого удостоивает их почтенный г. П-ой. - Обращаясь к самому спору об "Онегине", не менее *чудному**, и прошу вас, милостивый государь, извиня мне мой длинный приступ, позволить разделить свое удивление с просвещенными читателями вашего "Вестника".

Читая ответ г. П-ого на противные его мнению замечания г. -ва об "Онегине"⁵, я часто забывал ветреника Онегина и задумывался над многими филологическими замечаниями издателя "Телеграфа" в рассуждении слога г. -ва. Тонкость непонятная! Не стану их указанием утомлять читателей вашего журнала.

Многие мнения показались мне новы, решительны: они и произнесены решительно. Говоря о Байроне и Пушкине, поэтах романтических, г. П-ой определил *сущность и причину* романтической поэзии *неопределенными, неизъяснимым состоянием сердца человеческого*. Г. -в⁶ нашел это определение недостаточным. И я себя спрашивал, можно ли определять неопределенным, объяснять неизъяснимым? Что такое неопределенное состояние сердца, как не отсутствие всякого действительного чувства, всякой страсти? Боялся, чтоб такого состояния не назвали невозможным. Г. П-ой подкрепил это мнение неопровержимым доводом: *"Я понимал, что говорю"*. Я, наконец, должен был понять, что неопределенное состояние сердца подобно неопределенному состоянию ума, которому видим действительные примеры, - состоянию, когда человек мыслит и вместе не мыслит, говорит и вместе ничего не говорит. Состояние жалкое! Причина романтической поэзии бедная! Я эту мысль бросил.

Мне случилось слышать, как многие, соображаясь с учением новой философии немецкой, доказывали, что сущность романтической поэзии состоит в стремлении души к совершенному, ей самой неизвестному, но для нее необходимому, - стремлении, которое владеет всяким чувством истинных поэтов сего рода. Я с этой мыслью согласен, готов защищать ее, и она, кажется, ясна для всех, особенно для знакомых с сею поэзией. Следственно, я согласен с г. П-ым, который (позволяю себе это думать), вероятно, хотел сказать то же, но выразился другими словами.